

г. Ленинград Зима 1975

ЭНЕРГИЯ И ПЫТЛИВОСТЬ

ведение (симфонию) в исполнении симфонического оркестра. 1966 год. Журбин становится студентом композиторского факультета Московского института имени Гнесиных. Его педагог — композитор Пейко. 1969 год. I симфония Журбина (не та, детская, а «настоящая» первая) — его дипломная работа — исполнена оркестром Большого театра Союза ССР. 1970 год. Член Союза композиторов Александр Журбин поступает в музыковедческую аспирантуру Ленинградской консерватории.

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

О ЖУРБИНЕ уже говорят, о нем вы обязательно услышите.

С разной интонацией, но никогда — равнодушно. Ему нет еще тридцати, имя его на ленинградских афишах стало появляться совсем недавно, а музыка уже успела завоевать себе и сторонников и противников.

Но вот что интересно. На первый взгляд, наиболее устойчивый признак творчества Журбина — предельная контрастность интересов, полемическая заостренность в сопоставлении как будто несопоставимого. Это проявляется и в выборе жанров — здесь соседствуют оратория и мюзикл, массовая песня и симфония, и в неожиданности каждого конкретного решения, и в непривычном смешении выразительных средств.

Однако за этой внешней колоритной разбросанностью проступает то своеобразное внутреннее родство, то трудноуловимое единство, которое позволяет говорить о творческой индивидуальности. И при более внимательном взгляде разбросанность оборачивается широтой интересов, пестротой стиля объясняется осознанной авторской позицией. Словом, индивидуальность оказывается несколько необычной, но энергично выраженной. И хотя в тридцать лет еще, казалось бы, не на что особенно оглядываться, несколько событий в жизни Александра Журбина выстраиваются в последовательности, которая может помочь заглянуть в его творческий мир.

1961 год. Шестнадцатилетний ташкентский виолончелист впервые услышал собственное произ-

ведение. Исполнитель — композитор — исследователь... Энергия и пытливость мысли — вот те качества, без которых вряд ли возможен такой охват «смежных профессий». Однако совмещать сочинение своей музыки с исследованием чужой, очевидно, сложно? «Напротив, — утверждает Журбин. — Такой симбиоз очень характерен для нашего времени. Композитор сейчас часто становится интерпретатором своих сочинений: он должен уметь проанализировать и объяснить свой замысел. А это невозможно без тщательного изучения опыта предшественников и своих современных коллег».

«Сейчас искусство композиции во многом возвратилось к тем

принципам, на которые опиралось в восемнадцатом веке и еще раньше, — развивает свою мысль дальше Александр. — Это сказало и на отношении к использованию заведомо «вторичного» материала. Считанные единицы обладают настолько яркой индивидуальностью, пишут таким своеобразным языком, что их, как говорится, ни с кем не спутаешь. Остальные же в большей мере пользуются «языком эпохи». В наши дни этот язык как никогда богат и разнообразен; в его ткань естественно вплетаются интонации прошлых веков. Но ни использование дословных цитат (так называемый коллаж), ни тем более стилизация не могут служить препятствием для самовы-

ражения композитора, если он ясно представляет себе, что хочет сказать».

В сочетании разнородных музыкальных компонентов и ищет Журбин свою собственную манеру. Иногда направление поиска способно поначалу озадачить. Так случилось с недавно исполненным трехчастным концертом для фортепиано с оркестром. В его первых двух частях на слушателей обрушился такой звуковой шквал (звучность оркестра временами достигала предела), такие сложные переплетения ритмов, что сравнение с эмоциональной атмосферой современного города прозвучало без тени иронии. А потом в тишину зала влилась пошоповски левучая мелодия нок-

турна, и это было совсем неожиданно — непонятно. Противопоставление ли это ночного пейзажа грохоту дня? Или в этом контрасте скрыта мысль о непреходящей ценности покоя и душевной тишины? Музыка требовала размышления. Композитор приглашал слушателя к сотворчеству...

Совершенно в ином ключе решена симфония для камерного оркестра. Нарочитое подчеркивание давным-давно известных приемов, столкновение разностильных тем вызывает улыбку слушателя. Но только такого, который, порывшись в своей музыкальной памяти и определив: это «под Гайдна», а это «пародия на современную мелодию», — оценит комизм музыкальных ситуаций. При

всей несхожести с концертом, то же сознательное обращение к интеллекту слушателя, стремление вызвать широкий круг ассоциаций. Не сказывается ли здесь влияние Журбина-музыковеда на Журбина-композитора?

Их творческие интересы постоянно переплетаются. С юности один из любимейших композиторов — Малер; его последним симфониям посвящена исследовательская работа в аспирантуре, а трагические, «малеровские» тромбоны звучат в I симфонии Журбина. Композитор пробует себя в песенных жанрах — и в журнале «Советская музыка» появляется остро полемическая статья о судьбах советской песни. Интерес к современным явлениям в области массовых жанров приводит, с одной стороны, к появлению нескольких статей о поп-музыке, с другой — к освоению этой ритмико-интонационной сферы в собственных произведениях. В частности, последнее крупное сочинение Журбина — написанная в содружестве с либреттистом Ю. Дмитриным опера «Орфей и Эвридика», где найден интересный поворот в трактовке бессмертной легенды. В этом произведении принципы сквозного музыкально-драматического развития не просто уживаются с приемами рок-оперы, но, подчиняя их, «перефразируя», наполняют новым смыслом.

С легкостью ориентируясь в разноголосице стилей и манер, отдавая себе отчет в пестроте и неоднородности вкусов современных любителей музыки, Журбин в каждом своем произведении обращается не к «слушателю вообще», а к конкретной аудитории,

потребности которой ему известны. Еще и поэтому так несхожи его сочинения в разных жанрах. Эстрадная песня, написанная с учетом современной манеры исполнения, привлечет подростка своей свободой и раскованностью, но при этом расскажет ему о вещах нужных и значительных. А вокальный цикл на стихи К. Батюшкова, естественно сочетающий полную достоинства простоту и гармоничность с едва заметным душевным надломом, диссонансом в восприятии мира (цикл написан на последние стихи уже неизлечимо больного поэта), заставит, насторожившись, вслушаться и профессионала. «Стараться точно учитывать потребности аудитории, для которой пишешь, вовсе не значит «идти у нее на поводу», — утверждает автор. — И высокая гражданская тема или серьезная нравственная проблема вернее найдут путь к сердцу слушателя, если при этом будут учтены «особенности жанра».

Очень точно выразил в нескольких фразах основное в Журбине Андрей Петров. «Может быть, кому-то покажется, что у Журбина пока больше поисков, чем находок, — сказал он. — Но его поиски всегда вызывают интерес». И еще Петров отметил «юношескую увлеченность своей профессией». Однако многое в творческом облике Журбина говорит за то, что поиски и увлеченность останутся его характернейшими чертами и в более зрелом возрасте. Вы еще услышите музыку Александра Журбина. И о ней будут говорить с разной интонацией. Но всегда — с интересом.

Н. НЕСТЕРОВА
Фото М. Ширмана